

Джордж Лакманн Моссе

ВВЕДЕНИЕ: СТЕРЕОТИП МУЖЕСТВЕННОСТИ¹

Аннотация: Во введении к своей последней монографии «Образ мужчины: История современной маскулинности» (1996) Джордж Л. Моссе излагает методологию этого исследования. Оно основано на изучении визуальных стереотипов как универсальных способов репрезентации определенной культуры и субкультуры, которые используются для легитимации общепринятых норм и идеалов, с одной стороны, и маргинализации тех, кто не соответствует этим нормам, — с другой. Моссе намечает основные этапы формирования стереотипа «настоящего мужчины», который впитал в себя культ античной красоты, рыцарское представление о чести, христианский идеал чистоты и готовности к самопожертвованию. Здесь же введено ключевое для этого исследования понятие «контртипа», то есть стереотипизированной фигуры изгоя, существование которого оттеняет и укрепляет идеал «настоящего мужчины», и прослежены основные этапы развития идеала и контртипов, подробному исследованию которых посвящены отдельные главы книги.

Ключевые слова: культурная история, маскулинность, стереотип, контртип.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.54.66.010

Abstract: George L. Mosse explicates the methodology of his study in the introduction to the latest monograph "The Image of a Man. The Creation of Modern Masculinity" (1996). It is based on the study of visual stereotypes as universal ways of representing of a certain culture and subculture, which are used to legitimize generally accepted norms and ideals, on the one hand, and to marginalize those who do not meet these norms, on the other. Mosse distinguishes the main stages in the formation of a "real man" stereotype, which absorbed the cult of ancient beauty, the knightly idea of honor, the Christian ideal of purity and readiness for self-sacrifice. Likewise the key concept for this study is the "countertype", that is, a stereotypical figure of an outcast, the existence of which shades and strengthens the ideal of a "real man", and the main stages of development of the ideal and countertypes are traced, the detailed study of which is devoted to separate chapters of the book.

Keywords: cultural history, masculinity, stereotype, countertype.

George Lachmann Mosse

Introduction: The Masculine Stereotype

---

1 Перевод с английского Наталии Мазур с использованием материалов Мастерской литературного перевода Дмитрия Симановского. Книга Дж. Моссе была впервые опубликована в 1996 году (The Image of a Man: The Creation of Modern Masculinity. Oxford University Press, 1996).

В западной культуре мы постоянно сталкиваемся с наглядными образцами мужественности, то есть примерами того, как мужчины утверждали свои представления о сущности мужской природы. К идеалу мужественности апеллировали с самых разных позиций, видя в нем символ личного и национального возрождения, а также основу самоидентификации современного общества. Предполагалось, что именно мужественность уберезит существующий порядок от опасностей модернизации, — и в то же время она считалась неотъемлемым качеством всякого сторонника перемен. Требование «будь мужчиной» звучало и слева и справа, и в XIX и в первой половине XX века².

Что же означает это понятие, распространенное настолько, что историки принимают его как данность? Сложившееся в эпоху Нового времени понятие маскулинности обозначало определенные представления о натуре и о поведении мужчины. Его могли использовать для разных целей: едва ли мы найдем такую идеологию, где обошлись бы без него. За ним стояла конкретная и определенная теория мужской природы, последовательная система, которую легко изучать и описывать. Задача дополнительно упрощается тем, что за свою сравнительно недолгую историю, начавшуюся во второй половине XVIII века, идеал мужественности почти не изменился; он демонстрирует всё те же достоинства, которые принято считать типично мужскими, — силу воли, храбрость и честь. Эти и другие «атрибуты мужественности», о которых пойдет речь в нашей книге, и по сей день входят в ядро

---

2 Оговоримся, что в этой книге слово *man* («мужчина») всегда будет обозначать гендерную принадлежность, а не человека вообще.

языка. Несмотря на ускорившийся к концу XX века темп перемен, они не претерпели существенных изменений.

Мне уже приходилось писать о понятии маскулинности в разных контекстах, включая историю национализма, но до сих пор он оставался на периферии моих исследований, посвященных правым движениям или ревизии памяти о мировых войнах. Между тем идеал мужественности заслуживает особого внимания, поскольку он не только сыграл определяющую роль в формировании представлений о нации, приличиях и войне, но и повлиял едва ли не на все аспекты истории современного общества. Хотя современную маскулинность нужно изучать как самостоятельный исторический феномен, в то же время она тесно связана с общественными страхами и ожиданиями. Идеал мужчины был важен не только для таких «мужских» идеологий, как национализм или фашизм; на него также опирались социалисты и коммунисты, а главное — он был частью идеалов и залогом функционирования нормативного общества вообще.

Модерная маскулинность помогла сформировать и в свою очередь была сформирована общепризнанными нормативными образцами морали и поведения или, иными словами, тем, как подобало вести себя и действовать в социальном контексте на протяжении последних двухсот с лишним лет. Хотя вскоре мы увидим, что определяющую роль в формировании этого нормативного общества сыграл средний класс, его стандарты распространились на аристократию и пролетариат. Уже в начале XIX века идеал мужчины так глубоко укоренился в сознании западноевропейского общества, что любое движение было вынуждено считаться с ним и принимать его, то усиливая и выделяя часть его свойств, то пытаясь его перенаправить — до тех пор, пока этот идеал не оказался под серьезной угрозой, рассказом о чем мы и завершим эту книгу.

Предметом нашего исследования станет эволюция стереотипа, который приобрел нормативный характер, поэтому мы не будем говорить ни о множестве частных определений мужественности, ни об идеале «чувствительного мужчины», вдохновлявшем романтиков в те же годы, когда закладывался фундамент основного стереотипа³. Рассматривать и изучать современную

---

3 *Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley, 1984. p. 92.*

маскулинность можно по-разному; к примеру, можно было бы сосредоточиться на ее отдельных атрибутах — силе воли или сдержанности («настоящие мужчины не плачут»). Однако, чтобы прийти к пониманию мужественности в определенную эпоху, лучше рассматривать ее как целостное явление.

Действительно, маскулинность с самого начала воспринималась как нечто завершенное: тело и душа, внешний вид и внутренние достоинства должны были составлять гармоничное единство, идеальную конструкцию, каждая часть которой занимала бы отведенное ей место. Модерная маскулинность — это стереотип, воплощение стандартизованного мысленного образа или, как определяют стереотип в словаре Уэбстера, «устойчивое представление о другом». Чтобы быть эффективным, такой образ должен быть цельным. Интериоризированный визуальный образ (ментальная картинка) в свою очередь опирается на восприятие наружности человека, на основании которой он и оценивается. Стереотипы объективируют человеческую натуру, помогая мгновенно ее понять и оценить.

В модерную эпоху стереотипы утвердились в рамках общего увлечения символами: во времена стремительных перемен они помогали сделать абстрактное конкретным. Эти стереотипы возникли впервые, хотя на внешний вид обращали внимание и ранее: мужчина всегда должен был ходить и держаться подобающим образом. Понятие мужской чести играло важную роль на протяжении многих веков, а о том, как его усвоила эпоха модерности, мы поговорим ниже. Идеал маскулинности возник и стал частью истории модерности между второй половиной XVIII и началом XIX века (точную дату его появления установить невозможно). Его отдельные составляющие были не новы, но только в начале эпохи модерности они были систематизированы и объединены в стереотип. Тогда строение человеческого тела сравнивалось, если не превзошло в значимости его облачение: стереотип маскулинности сложился в цельное явление, основанное на природе мужского тела.

В эпоху, когда такие политические образы, как национальный флаг или якобинская кокарда, стали мощными символами, тело человека также приобрело символическое значение. Начиная со второй половины XVIII века западноевропейская культура все больше ориентировалась на визуальное восприятие; это про-

явилось не только в национальных символах, но и во влиянии таких наук, как физиогномика и антропология с их классификацией мужчин на основании стандарта античной красоты. Стереотип маскулинности стал неотъемлемой частью все более визуально ориентированной эпохи, полюбившей символы. Именно тогда Французская революция объявила, что «новые символы» способны создать нового человека⁴. По мере того, как тело человека приобретало символическое значение, все больше внимания уделялось его строению и красоте. Идеал мужественной красоты, символизировавшей доблесть, лег в основу самоопределения современной маскулинности. Именно поэтому дальше мы будем так много говорить об идеале мужского тела и о его чертах.

Обычно мы ассоциируем стереотип с неодобрительной оценкой: считается, что общество создает стереотипы тех его представителей, которых хочет вытеснить на периферию социальной жизни. Широко распространенные стереотипы «евреев» и «черных» используются для того, чтобы оправдать их дискриминацию. Хотя далее мы увидим, что отрицательные стереотипы сыграли важную роль в формировании современной маскулинности, в этой книге речь пойдет о том, что считалось стереотипом положительным.

Идеал легче всего облечь плотью и кровью, объективировав красоту. Стереотип настоящего мужчины оказался таким влиятельным именно потому, что в отличие от абстрактных идей или идеалов его можно было увидеть, потрогать и даже заговорить с ним; он был живым свидетельством человеческой красоты, высокой нравственности и чаемой утопии. Таким образом, главным предметом нашего исследования станет, как упоминалось выше, не отрицательный, а положительный стереотип настоящего мужчины, в котором видели движущую силу нации и общества.

Создание стереотипа основывалось на усредненном восприятии мужчин и женщин, при котором в человеке видят тип, а не личность. Стереотипизация опиралась на устойчивые ментальные образы, не оставляя места для индивидуальных вариаций. Этому способствовали новые науки, возникшие в XVIII и XIX веке: их представители были одержимы идеей классификации и предпочитали изучать группы людей, а не отдельных индивидуумов. Стереотипизация предполагает, что каждому

---

4 *Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. P. 92.*

человеку приписываются характеристики той группы, к которой его относят, поэтому все мужчины должны были соответствовать идеалу мужественности.

Стереотип настоящего мужчины укреплялся и за счет отрицательного стереотипа мужчин, которые были не просто далеки от идеала, но своим телом и духом служили его полной противоположностью. Эту роль отвели таким маргинализированным обществом группам, как евреи и чернокожие: расизм зиждется на стереотипах и стереотипизации. Те, кого сочли недостойным быть членом «приличного общества», стали контрטיפами тех образцовых представителей, кого так высоко ценило это общество и в ком так уверенно воплощался идеал «настоящего мужчины». Им приписали все черты, которые недвусмысленно указывали всякому, «имеющему глаза», на таящееся в них зло. Их бесформенные тела были живыми примерами вырождения. Уже в начале XIX века в книге о мужском характере и предназначении мужчины видный немецкий пастор Фридрих Эренберг заявил, что идеал настоящего мужчины должен быть ясным, однозначным и являть собой полную противоположность мужчинам безнравственным, слабым и угодливым⁵.

Важно подчеркнуть, что стереотип имеет публичную природу. Он делает невидимое не просто видимым, но и публичным — именно так стереотипы приобретают социальное и политическое значение. В конце XIX века один английский френологический журнал выразил эту идею наглядности самым поразительным образом, заявив, что «людей можно читать словно висящую на стене таблицу», а также что «наши добродетели, пороки, достоинства, просвещенность и варварство очевидны тем, чей взгляд обучен подмечать и понимать внешние признаки этих качеств»⁶.

Таким «воспитанием взгляда» во второй половине XVIII века занимались ученые и богословы, рассуждавшие о том, как по первому впечатлению «читать в лицах» и судить о человеке по его телосложению. Свой вклад в этот процесс внесли художники или, точнее, новые художественные вкусы, сыгравшие ключевую роль

5 *Ehrenberg F. Der Charakter und die Bestimmung des Mannes. Hildburghausen; New York, 1834, p. 14.* Эренберг был проповедником в берлинском протестантском соборе.

6 *Character Reading (Phrenological Magazine). 1882. № 3. P. 18.*

в формировании представлений о прекрасной мужественности. В воспитание взгляда включились социальные и политические движения, ведь после того, как Французская революция показала, как важна поддержка масс, им пришлось пользоваться визуальными образами для пропаганды своих идей. Весомый вклад в этот процесс внес национализм: возникший и развивавшийся одновременно с понятием маскулинности, он сделал стереотип настоящего мужчины одним из инструментов собственной репрезентации. Однако в конечном счете, как мы увидим далее, распространением идеала мужественности занималось само современное общество. Средний класс помог создать и поддерживал стереотип настоящего мужчины, который по мере укрепления буржуазного мировоззрения все больше расходился с аристократическим идеалом мужественности.

Стереотип настоящего мужчины не был привязан ни к одной из влиятельных политических идеологий XIX века. Принято думать, что на него опирались консервативные движения, однако он был не менее важен для рабочих; даже большевики полагались быть «крепким как дуб»⁷. Новые националистические движения XIX века сразу же воспользовались идеей маскулинности, но она могла развиваться и в контексте просвещенческого космополитизма. Так, все тот же Фридрих Эренберг утверждал, что описание подлинной мужественности должно быть предельно ясным, поскольку она составляет цель мужского воспитания. Он считал, что настоящий мужчина должен жить исключительно добропорядочной жизнью и всегда владеть собой, но так же высоко ценил свободу мысли и вольнолюбивый дух⁸. Показательным образом на начальном этапе развития национализма в полном согласии с духом Просвещения отечество и человечество ставились в один ряд, и любовь к первому не исключала любви ко второму, поэтому и стереотип настоящего мужчины, волевого и прекрасного собой⁹, казался Эренбергу не врагом, а другом вольности. Превращение в настоящего мужчину стало целью процесса *Bildung*, под которым немцы понимали личное самосовершенствование. Если ранее предполагалось, что этот

7 Rohrwasser M. Saubere Mädel / Starke Genossen. Frankfurt a. Main, 1975. S. 93.

8 Ehrenberg F. Der Character und die Bestimmung des Mannes. S. 14-15.

9 Ibid. S. 21, 52.

процесс бесконечен, то теперь у самосовершенствования появилась конкретная цель.

С этой точки зрения становится понятным, что мужской идеал мог мирно сосуществовать с автономией личности только до определенного предела. В 1770-е годы Иоганн Готфрид Гердер писал, что в процессе самосовершенствования каждый мужчина должен, подобно растению, стремиться к раскрытию собственного «я», чтобы в итоге стать гармоничной и самодостаточной личностью, воплощением неутолимой тяги к знаниям и морального императива⁴⁰. Однако этот рост перестал быть бесконечным в тот момент, когда парадигма и цель воспитания мужчины были подчинены стереотипу мужественности. И хотя этот стереотип мог быть независимым от политического и идеологического фона, он в силу самой своей природы не мог не ограничивать свободу личности, поскольку, как мы уже сказали выше, стереотипы опирались на группы, а не на индивидов: мужественность и все то, что она олицетворяла, оставалась практически неизменной, отражая традиционные ценности общества. Так, когда в XX веке общество проявило бóльшую терпимость к тому, что считалось аномальным, и попыталось узаконить нетрадиционное, мужественность начала тормозить эти процессы. Как когда-то стереотип настоящего мужчины остановил потенциально бесконечный процесс *Bildung*, так и теперь он выступил консервативной силой, выражая и охраняя традиционные стандарты общества, рисковавшего растерять те нормы, которые поддерживали его существование на протяжении стольких лет.

Стереотип настоящего мужчины оставался неизменным, несмотря на структурные изменения, пережитые модерным обществом; по-видимому, он не зависел от конкретных экономических, социальных и политических обстоятельств. При этом сама маскулинность зависела от определенного морального императива, определенных нормативных стандартов внешнего вида, поведения и манер. Поэтому, когда традиционная система ценностей среднего класса была поставлена под угрозу, в опасности оказался и идеал мужественности.

В этом отношении мужественность не так уж отличалась от женственности; так, например, образы мужчин и женщин

---

10   Цит. по: Weil H. Die Entstehung des Deutschen Bildungsprinzips. Bonn, 1930. p. 47.

одновременно превратились в публичные символы, репрезентирующие нацию. Однако женщина — национальный символ не могла олицетворять такие общепризнанные нормы, как мужские достоинства; она воплощала материнское начало нации, ее связь с традициями и с историей. Эти женские образы обычно представляли в старинном платье, которое напоминало об историческом прошлом нации: так изображали Германию, Британию и даже французскую Марианну, после революции все чаще представлявшую в облике почтенной матроны. Изменения государственного строя, будь он монархией или республикой, обычно их не касались; неизменный облик этих фигур напоминал о традиционных ценностях, которые должна была чтить вся нация. Так, Марианна, временно отправленная в отставку за революционные связи, довольно быстро вернула себе прежнее уважение¹¹. Конечно, степенный вид и исполненная достоинства поза женщины — национального символа также олицетворяла общепринятые социальные ценности. Очень часто на иллюстрациях, как мы видим, например, в знаменитом романе И.-В. Гёте «Страдания юного Вертера» (1774) [Рис. 1], женщину изображали окруженной прелестными малютками, цветами и деревьями — знаками ее природной чистоты. Тем не менее женщина как публичный символ не выражала нужды и чаяния общества напрямую, в то время как мужское тело символизировало потребности общества в порядке и прогрессе, а также такие буржуазные добродетели, как умеренность и сдержанность. Женщина как общественный символ напоминала о былом, о невинности и целомудрии; мужественность была способна воплощать не только эти, но и многие другие достоинства.

Это различие подчеркивает ключевую роль маскулинности в проведении строгой границы между мужчинами и женщинами, а эта граница на протяжении нескольких веков служила одной из основ общества. В начале XIX века женщины лишились даже тех скромных достижений, которых они добились в эпоху Просвещения: отныне им были отведены сферы, четко отделенные от тех, что считались мужскими, их задачей стало ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Женщина как личность, а не как национальный символ, была исключена из общественной жизни.

---

11 Mosse G. L. Nationalism and Sexuality. New York, 1985. Chap. 5.

Рис. 1.

Изображение вертеровской Шарлотты с детьми работы Франческо Бартолоцци (по рисунку Генри Барбери, 1783) включает и другие символы женственности: это трубящий в трубу амур, церковь и цветущая природа.
Rijksmuseum, Amsterdam

Такое разделение труда не означало, что женщины по самой своей природе занимают более низкую социальную ступень; оно говорило в основном о том, что у мужчин и женщин разные функции и что они дополняют друг друга.

Это различие было ключевым для формирования современной маскулинности: мы уже сказали, что она определялась при помощи контртипа, но не менее важным для нее стало четкое разделение полов. Так, в XVIII веке широко распространилось слово «женственный», обозначавшее несвойственные мужчинам мягкость и деликатность. Разделение полов сохранялось и сохраняло свое значение для укрепления и поддержки идеала мужественности, хотя с конца XIX века в борьбу с ним вступило движение за права женщин. Из этого движения родилась так называемая «новая женщина»: она сама зарабатывала себе на жизнь, одевалась на мужской манер, коротко стригла волосы и курила папиросы [Рис. 2]; этот тип широко распространился после Первой мировой войны. В Веймарской республике образ жизни мужчин и женщин в среде интеллигенции и отчасти среднего класса начал явно сближаться¹².

Тревога, которую мужчины испытали при столкновении с «новой женщиной», была во многом преждевременной. Знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг заметил коренные перемены в нравах после Первой мировой войны: ему показалось, что отношения между полами стряхнули с себя ложный стыд и псевдомораль, но эти изменения не коснулись истинных качеств женщин, главными достоинствами которых он продолжал считать их красоту и формы тела, так выгодно подчеркнутые современной одеждой¹³.

Хотя исследования Уте Фреверт показали, что в немецком среднем классе большинство женщин оставались религиозными и консервативными¹⁴, это не снижало той опасности, которую мужчины усматривали в размывании границ между полами. При этом статус женщины отличался от статуса контртипов, то есть тех, кто символизировал полную противоположность норматив-

12 Frevert U. *Women in German History*. New York, 1989. p. 178.

13 Zweig S. *The World of Yesterday*. Lincoln, Nebraska, 1964. P. 90 (русский перевод: Цвейг С. *Вчерашний мир* / пер. с нем. Г. Каган. М., 2016).

14 Frevert U. *Women in German History*. P. 173.

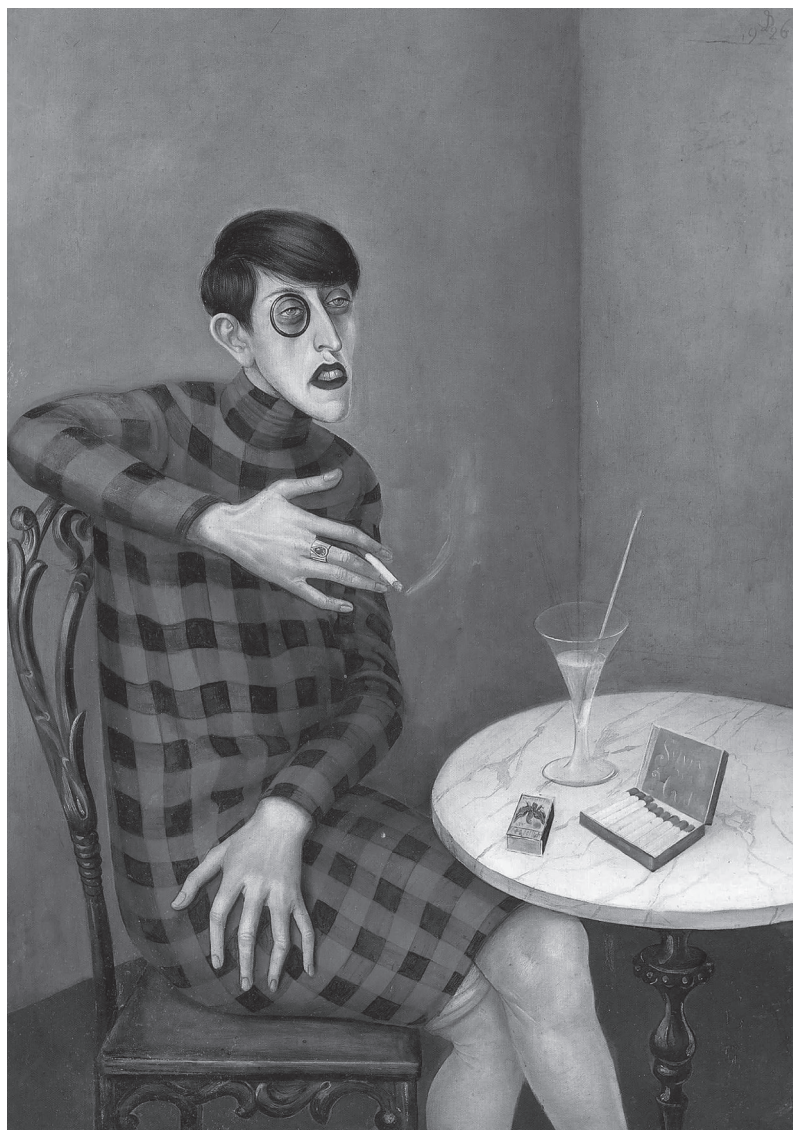

Рис. 2.

Отто Дикс. Портрет журналистки Сильвии фон Харден. 1926.
*Musée National d'Art Moderne, Centre National d'Art et de Culture
Georges Pompidou, Paris*

ной маскулинности и кого считали лишенными как мужских, так и женских качеств, присущих приличным членам общества. Однако женщины, дерзнувшие пренебречь своей традиционной ролью, пополняли ряды контртипов, в борьбе с которыми закалялся образ настоящего мужчины. Развивая тезис, выдвинутый выше, предположим, что поскольку маскулинность отражала идеи и надежды общества, враги маскулинности становились врагами общества. Мужественность была призвана укреплять нормативное общество и защищать его от тех, кого подозревали в стремлении нарушить его целостность, тех, чьи недобрые намерения так явственно читались в их наружности и поведении.

Устойчивость идеала маскулинности, сложившегося в конце XVIII века и дожившего до наших дней, определила структуру этой книги. В первых главах мы опишем идеал мужественности, заданные им стандарты и пути их достижения. Определив основы современной маскулинности, мы перейдем к исследованию главных страниц ее истории — к тем событиям и движениям, которые расширяли ее границы, пытались ее переориентировать или усилить латентные черты стереотипа. Декаданс рубежа XIX–XX веков, Первая мировая война и возникшие вслед за ней новые политические движения наложили свой отпечаток на нормативное определение маскулинности. Еще раз подчеркнем, что нас интересуют именно нормативные определения, а не отклонения от них. Из-за того, что наше внимание легко захватывает все исключительное, увлекательное и проблематичное, мы забываем о том, что большинство людей руководствуются нормой, а точнее, тем, что считается нормой, которая и определяет их восприятие общества в целом и их собственного места в нем.

Мы будем специально говорить о контртипах идеального мужчины. Мы уже сказали, что этот идеал закалялся и оттачивался в борьбе с противниками, воплотившими в себе все черты, не свойственные настоящему мужчине: их образы конструировались по принципу контраста со стереотипом мужественности. До сих пор историки расизма и антисемитизма игнорировали роль современной маскулинности в формировании предрассудков, а между тем к изгоям, как правило, применяли мерки, снятые с душевного и физического склада идеального мужчины. Любой еврей, чернокожий или представитель другой «низшей расы» мог бы на собственном опыте подтвердить этот факт. Сколько

таких изгоев пытались стать «своими», приспособливая свою наружность и поведение к эстетическому идеалу мужчины? Бодибилдинг, исправление носа и выпрямление волос — лишь часть из используемых ими для этого средств. Основную массу контртипов составляли традиционные изгои — евреи и цыгане (чернокожих в Европе было немного), те, кто отвергал социальные нормы или не соответствовал им — бродяги, душевнобольные или закоренелые преступники, и, наконец, не менее важная группа — «немужественные» мужчины и «неженственные» женщины. К концу XIX века наличие в обществе гомосексуальных мужчин и женщин стало более заметным, а некоторые из них даже позволяли себе афишировать свою нетрадиционность. Далее мы увидим, как все стереотипы изгоев формировались по контрасту с идеалом мужественности. Поскольку мужской идеал уже сложился, у контртипов не оставалось пространства для маневра: их внешность и характер были изначально предопределены. Мы не раз увидим, как эти «изгои» пытались стать «настоящими мужчинами», но в итоге начинали бороться за свои права — в том числе для того, чтобы освободиться от всего, что символизировал мужской стереотип, и чтобы высмеять его. Эта диалектика очень важна для нашего исследования. Модерная маскулинность нуждалась в таком контрасте: те, на ком ставили печать контртипа, пытались либо подражать идеалу, либо максимально расподобиться с господствующим стереотипом, но и в том, и в другом случае им было трудно от него освободиться.

Восприятие женщины как пассивного участника общественных и политических процессов сохранялось еще долгое время после Первой мировой войны, несмотря на появление целого ряда движений за права женщин, которые пытались покончить с этой дискриминацией. Стереотип мужчины, как мы уже сказали, также оставался прежним, поскольку стереотипы, как и символы, с трудом поддаются изменениям. Однако мужской стереотип кажется более стабильным, чем женский. Мы увидим, что даже когда речь заходила о «новом мужчине», чаще всего это было новое прочтение все того же идеала, в то время как «новая женщина» изменилась по сути. Мужское воображение играло с такими женскими стереотипами, как *femme fatale* или амазонка (женщина как символ нации оставалась безусловной святыней), а вот у женщин не было возможности повлиять на образ муж-

чины в обществе. Даже те, кто хотел, чтобы женщины получили значимую роль в публичной сфере, по большому счету продолжали исповедовать старый идеал женственности.

Некоторые мужчины пытались предложить альтернативный взгляд на маскулинность, отличавшийся от общего стандарта. Прежде всего это были интеллектуалы-социалисты: они создали образ так называемого «нового мужчины», который должен был возродить традиции Просвещения, отвергнутые общепринятым стереотипом с его национализмом и латентной агрессивностью. В начале XX века такие лидеры социал-демократов, как Макс Адлер, вернулись к идеям Просвещения. Эти социалисты заботились не столько о внешности, сколько о духе гуманности, необходимом для нового мужчины. Однако их попытка изменить общепринятый мужской стереотип не нашла поддержки даже в рядах социалистов. Исследуемый нами стереотип отвечал слишком многим социальным потребностям и слишком глубоко укоренился в сознании общества — о нем-то и пойдет речь в этой книге.

Стереотипы могут разрушаться с такой же скоростью, с которой в самом обществе ослабевают те требования к морали и поведению и меркнут те достоинства, которые считались жизненно важными для его целостности. Так же стремительно может исчезнуть и националистическая идеология, а вместе с ней — и сформированная в ее рамках символическая ценность мужественности. В заключении этой книги мы попытаемся определить, разрушились ли традиционные стереотипы и сопутствующие им символы в Западной Европе после Второй мировой войны или же современная маскулинность остается тем идеалом, к которому следует стремиться. Сохранила ли истинная мужественность ту мощную политическую и общественную силу, которая делала ее столь значимой в XIX и на протяжении почти всего XX столетия?

Коль скоро наш разговор о мужественности разворачивается вокруг стереотипов и их влияния на общественную жизнь, очертим для себя географические границы этого явления. В центре нашего внимания будет находиться Германия, но, чтобы расширить рамки исследования, мы будем обращаться к примерам Англии, Франции и Италии. Труднее писать о послереволюционной Франции, так как исследований о характерном для нее стерео-

типе маскулинности сравнительно немного. Мы ограничились той частью континента, которая в основном развивалась в русле западной традиции, и в этом смысле Германия и Австрия могут рассматриваться как часть Западной Европы. Неожиданное появление в последней главе этой книги Соединенных Штатов объясняется огромным влиянием, которое Америка оказала на европейскую культуру после Второй мировой войны. Такой подход позволит нам подробнее рассмотреть процесс формирования современной маскулинности и в то же время предложить парадигму для ее анализа в других частях Европы и в США.

Хотя в этой книге мы ничего не говорим о связи между маскулинностью и империей, государства, подобные Британской империи, были сугубо мужскими предприятиями. Создатель движения бойскаутов британец Роберт Баден-Пауэлл писал, что африканцы — люди безынициативные и неповоротливые, как быки, и продолжал: может, они и братья нам, но мужчинами их точно не назовешь¹⁵. Возьмем другой известный пример: герои-первопроходцы в книгах Редьярда Киплинга, как правило, соединяют приятную наружность с мужскими достоинствами¹⁶. По точному наблюдению Мартина Грина, у Киплинга мужчины — это проводники власти: они подчиняются вышестоящим и подчиняют себе стоящих ниже¹⁷. Однако даже Британская империя не допускала неограниченной власти, требуя, чтобы ей сопутствовали выдержка и контроль над безрассудными порывами¹⁸. Самоограничение, как мы увидим далее, было ключевым атрибутом мужского стереотипа: настоящий мужчина умел держать себя в руках. Такие части Британской империи, как Индийский полуостров, стали ареной для испытания и закалки викторианского характера¹⁹. Любая трактовка современной маскулинности в Западной Европе применима (с поправкой на национальные особенности) и к тем, кто управлял империями. Сопутствовавшая маскулинности властность обязательно ограничивалась другими достоинствами настоящего мужчины.

15 Цит. по: *Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815–1914. London, 1976. p. 134.*

16 *Mosse G. L. Nationalism and Sexuality. P. 84.*

17 *Green M. The Adventurous Male: Chapters in the History of the White Male Mind. University Park, Pa., 1993. P. 8.*

18 *Wurgajt L. D. The Imperial Imagination. Middletown, Conn., 1983. P. 10.*

19 *Ibid., p. 11.*

Было бы ошибкой сводить мужественность к непосредственному проявлению власти — будь то в империи, обществе, семье или государстве; она никогда не была столь одномерной. Целый ряд черт современной маскулинности отражал, наряду с социальной действительностью, надежды на будущее. Ниже мы увидим, что мироощущение среднего класса нуждалось в «спокойной силе», которая не вступала бы в конфликт с такими ценностями, как «игра по правилам», гармония и порядок, ведь их было так легко разрушить ненужной демонстрацией власти. Более того, рассматривая в следующей главе понятие мужской чести и дуэльный кодекс, мы увидим, как воинственность уступала место стремлению к согласию.

Стереотипы представителей власти в империи несомненно связаны с современной маскулинностью, даже если в реальной жизни эти мужчины больше напоминали усталых, скучающих и равнодушных офицеров французских колониальных войск, которых так точно описал Луи-Фердинанд Селин в «Путешествии на край ночи» (1936). Однако предметом нашего интереса останется идеальный тип, определявший нормативное понятие мужественности. Как только маскулинность превращалась в главную политическую и общественную силу, мужской стереотип в тех или иных его вариациях становился символом идеалов и надежд общества. Перемены начались лишь недавно, когда большие сегменты общества встали на новый путь, пределы которого пока что непредсказуемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Frevert U.* Women in German History. New York: Berg Publishers, 1989. 346 p.
- Green M.* The Adventurous Male: Chapters in the History of the White Male Mind. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993. 245 p.
- Hunt L.* Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley: University of California Press, 1984. 272 p.
- Hyam R.* Britain's Imperial Century, 1815–1914. London: B. T. Batsford, 1976. 462 p.
- Mosse G. L.* Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe. New York: University of Wisconsin Press, 1985. 250 p.
- Rohrwasser M.* Saubere Mädel / Starke Genossen. Frankfurt a. Main: Verlag Roter Stern, 1975. 152 p.
- Weil H.* Die Entstehung des Deutschen Bildungsprinzips. Bonn: Verlag von Friedrich Cohen, 1930. 269 p.
- Wurgaft L. D.* The Imperial Imagination. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1983. 211 p.

REFERENCES

- Frevert U.* Women in German History. New York: Berg Publishers, 1989. 346 p.
- Green M.* The Adventurous Male: Chapters in the History of the White Male Mind. University Park, Pa.: Pennsylvania State University Press, 1993. 245 p.
- Hunt L.* Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley: University of California Press, 1984. 272 p.
- Hyam R.* Britain's Imperial Century, 1815–1914. London: B. T. Batsford, 1976. 462 p.
- Mosse G. L.* Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe. New York: University of Wisconsin Press, 1985. 250 p.
- Rohrwasser M.* Saubere Mädel / Starke Genossen. Frankfurt a. Main: Verlag Roter Stern, 1975. 152 p.
- Weil H.* Die Entstehung des Deutschen Bildungsprinzips. Bonn: Verlag von Friedrich Cohen, 1930. 269 p.
- Wurgaft L. D.* The Imperial Imagination. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1983. 211 p.